

ЗАВТРА - день ПАМЯТИ и скорби

ЕСТЬ ли что ближе человеку, чем его семья? Сегодня, в канун дня памяти и скорби, мы своеобразно отвечаем на этот вопрос: выдержками из переписки далеких военных сороковых. Впрочем, первыми прочтите эти, написанные еще в мирное время, строки. Они еще полны юношеских надежд. Автор - солдат, призванный в 1939-м в ряды Красной Армии, Ваня Бурдаев. В своих длинных, очень нежных письмах он утешает родителей скорым окончанием своей службы:

«...Ты, моя дорогая мама, вероятно, ежедневно трудишься на колхозном поле; знаю, что тяжело тебе достается не по летам работать наравне с молодыми, но помочь сейчас я вам ничем не могу... Очень жаль, что это так, а не иначе, но делать пока ничего... Вы у меня все время на глазах, бывают минуты грусти, хочется видеть вас, жить с вами и радовать вас на старости лет. Хочется жить по-настоящему спокойно, скоро мне будет тридцать лет! Когда же будут семья и дети?!»

22 июня 41-го. Перелом в сознании, крушение всех надежд и планов. Нам удалось держать в руках фронтовое письмо Вани, датированное именно этим днем. Оно необычно короткое, и приводим его почти полностью. Фразы

Здравствуй, дорогая Нина!

С ВОЙНЫ ОНИ
ПИСАЛИ О ЛЮБВИ...

Первый общий снимок Нины и Толи

часто начинаются с новой строчки, после многозначительных отступов - признак сильного волнения:

«Дорогие старички, война началась!

Сегодня мы выступили, живите - трудитесь. За меня не беспокойтесь. Победа будет за нами. Обнимаю и крепко вас целую. Ваня.

Итак, пошли. Вперед! За Родину! За Сталина! За мирную нашу жизнь!...»

22.06.41г.

Вот такие разные по эмоциональной насыщенности письма. До и после. А на обороте одной из музейных копий - скупая информация о том, что Иван Прокопьевич Бурдаев, преподаватель биологии Ямской и Коряжемской школ, пропал без вести в ноябре 1943 года.

«Здравствуй, дорогая Нина!» Так или почти так начиналось каждое фронтовое письмо Анатолия Щукина, адресованное в Приводино юной, круглолицей Нине Чертковой. Шла Великая Отечественная. А в каждом из оказавшихся в наших руках писем - ни слова об ее ужасах, только осторожные и нежные признания. Отчасти, конечно, потому, что на каждом печатке военной цензуры. Но и не только поэтому. Перед вами выдержки из переписки тех далеких лет, и в них - целая судьба.

«...Получил письмо от Вас. Сразу вспоминается первое мое знакомство с Вами и скромные разговоры, в которых как будто и к чему-то стремились, но прийти не

могли, и друг друга во многом не могли понять. А если что и могли, то таилось и держалось в сердце, не проявляясь, а именно любовь к Вам. А сейчас только приходится вспоминать... Нина, очень и очень прошу Вашу фотокарточку... Я вам никак не смогу, так как сфотографироваться нигде. Но прошу вас, не взирая на это, выслать фото...»

27.06.43 г.

«Привет с фронта!

Шлю я вам свой сердечный привет с наилучшими пожеланиями в вашей молодой жизни.

Нина, сообщаю, что вашу открытку получил 5.01.44 г., за что очень и очень благодарю и крепко целую Вас. Нина, я долго не признавался в любви по отношению к Вам и писал скромные письма, так же и Вы мне. Но, наконец, ре-

шился писать более теплое письмо от пылкого моего сердца. А за откровенность мою, я думаю, ты не обидишься...»

5.01.44 г.

«...Сообщаю, что я 30 июля получил тяжелое ранение и нахожусь на излечении в г. Чите. Общее состояние пока ничего, но остаюсь инвалидом Отечественной войны...»

25.10.44 г.

«...Сообщаю, что Ваше письмо получил 5.12.44 г., за что благодарю Вас. Нина, Вам уже известно, что я нахожусь в госпитале. Состояние здоровья немного улучшается. Но что потеряно - того уж не вернешь. И я думаю, что Вы, Нина, измените отношение и забудете все нами начатое в детстве и продолжающееся до сего времени... до наших целей... быть друзьями по жизни. Но это едва ли будет. Ведь я, Нина, лишился левой ноги! И сейчас приходится ходить только на протезе, который получу на днях, в мае...»

Нина, пиши, как ты на все смотришь и как думаешь на дальнейшее...»

7.12.44 г.

После этих живых строчек кажутся неуместными любые громкие слова. Но эта выросшая в суровые времена на фронтовых письмах первая, еще детская любовь стала единственной и главной в их жизни. Нина и Анатолий поженились в августе 45-го. По-

(Окончание на 4-й стр.)

(Начало на 1-й стр.)

тускневший любительский снимок сделан вскоре после победы, в июле. Им было уготовано 36 лет совместной жизни. Анатолий Иванович, успевший до страшного 41-го получить среднее медицинское образование в Устюге, почти всю свою послевоенную жизнь отработал в медпункте Федотовской. Нина Николаевна - учительствовала. Сначала, во время войны, — в Приводинской средней школе, на которую были адресованы эти письма Анатолия, потом — в Федотовской, куда молодая семья переехала в 1950 году. С 1981-го, когда всего-то в неполных 60 лет не стало мужа, Нина Николаевна — в Котласе. «Как ни трудно было, не жалко прожитых лет. Ни о чем не жалею», - признается она.

В строчках их переписки разворачивается настоящий любовный роман. На щекотливый вопрос о том, не смутила ли юную девушку invalidность друга, ведь в письмах Толи столько смятения и тревоги, Нина Николаевна вспоминает: «Это даже сблизило. Тогда был совсем другой взгляд на жизнь, - и с улыбкой добавляет: - Да и военные в почете были». Прошу поделиться с читателями секретом семейного благополучия. Нина Николаевна не сразу находится с ответом и после паузы говорит: «Мне кажется, взаимное уважение и доверие». Слова немудреные, но мудрые.

Для чего мы публикуем такие разные письма, адресованные в одном случае «милым старичкам» (имен-

Здравствуй, дорогая Нина!

День Победы в 1980 г. Анатолий Иванович
и Нина Николаевна Шукины

но так обращался к родителям Ваня Бурдаев), в другом - подруге детства, когда и чувство, как таковое, еще не успело обозначиться? Чтобы вы, наши читатели, вместе с нами могли восхититься земляками и сделать маленькое открытие: с войны они писали о любви...

Юлия ЗУЕВА.

P.S. Благодарим Котласский краеведческий музей за предоставленные документы.